

Яркий солнечный день 3 октября 1993 года. На небе ни облачка. Я повернула с Аминьевского шоссе на Ленинский проспект. Машин немного, водители едут аккуратно, нет обычной утренней спешки, но чувствуется какое-то напряжение. Автомобили жмутся к обочине. Если сейчас на дороге случится что-нибудь неожиданное, машины исчезнут, растворятся, забьются в щели. Потоки машин в центр и из центра одинаково редки. У слияния Ленинского и Профсоюзной включился красный. Останавливаюсь. Нервозность начинает нарастать. Соседние водители смотрят только вперед, нервно постукивая пальцами по рулю. Сквозь шум работающих двигателей раздаются раскаты канонады. Все прислушиваются — из открытых окон машин ни одной мелодии. Тревожно. Куда все едут? По каким неотложным делам? Наконец, загорается зеленый, и мы трогаемся. Поворачиваю на Садовое. Вот и Зацепа.

Мои все на рабочих местах. Лиля сообщает, что прошла команда расходиться по домам. Но нам хочется побыть вместе.

— Тань, попьем кофейку. Я печеньице принесла, — предложила Лиля.

У Виктора, как всегда, бутерброды, любовно сделанные руками Ляны, его жены.

Затеваем кофе. Раскаты канонады редки, но регулярны. Мы понимаем, что пушки грохочут около Белого дома. Я нервничаю больше остальных. Впечатления роятся в голове каким-то диким клубком: CNN до шести утра, сбежавший из дома шестнадцатилетний сын, муж, уехавший на работу на Бережковскую набережную, напротив Белого Дома...

Вчера вечером, часов в 9-10, мы с мужем решили проехать по Красной Пресне. К Белому Дому, где располагается Верховный Совет России, нас не пустили. Но издалека удалось рассмотреть толпящийся народ, в кучу сваленные картонные коробки и деревянные ящики. Кое-где горели костры. Отдельные группы людей выстроились в шеренгу, слушали наставления старшего.

Закоулками выехали на улицу Заморенова. А оттуда нас завернули на Садовое кольцо. Вояж не удался, и мы поехали домой. Дома, вместе с ведущими телевизионных новостей, пообсуждали действия противоборствующих сторон и легли. Сон был тревожный, под утро, часов в пять, включаем телевизор. Идет репортаж CNN, комментариев нет.

— Наверное, не будем будить Андрюшку, вряд ли при таких событиях у них в училище будут занятия, — говорю я Борису.

— Да, пусть спит. А то попадет еще в какую-нибудь историю.

— Слышишь, какой-то грохот. Танки, что ли.

Мы выглядываем в окно, которое выходит на шоссе. Мы живем на Рублевке. Нет, дорога пустая. Что это может быть? На душе тревожно. (Как мы позже узнали, это были именно танки, но они двигались по Можайке, километрах в пяти от нас.)

А на экране телевизора разворачивается «театр». К Калининскому мосту со стороны Кутузовского проспекта подъехали танки. Тут же у парапета набережной Тараса Шевченко, что напротив гостиницы «Украина», любопытствующие смотрят в сторону Белого дома. Даже на тротуаре Калининского моста выстроилась толпа зевак. Такого я еще не видела. Лица у глазающих граждан, насколько можно судить по телевизионному репортажу, выражают спокойствие, озабоченность же у них, вызывает, наверное, только одно: надо попасть в первые ряды наблюдающих.

Скоро шесть.

— Если Андрей встал, пойду, скажу, что он может сегодня не идти на занятия, — с тревогой

говорю я.

Дверь скрипит, на цыпочках подхожу к кровати, хочу заранее выключить будильник, установленный на шесть часов. Наклоняюсь поправить одеяло и... о, ужас! — вместо Андрюшки в одеяло завернуты пальто и подушка, да так складно, что издали и не отличишь.

— Боря! — кричу я, — Андрея нет!

Значит, Андрей потихоньку ушел из дома. Неужели к Белому Дому? Думать так не хотелось... Тревога не дает мне спокойно сидеть, ходить, говорить, молчать. Думаю только об Андрее. Ругаю его, на чем свет стоит: «Ах ты, дрянь, как ты умудрился сбежать? Где ты? Вот только появишься, отец тебе выдаст!» И тут же: «Андрюшенька, только объявись, позвони, скажи, где ты, и я все прощу!» Ох! Как бессердечны дети! Почему они не думают о нас, родителях? Вот когда у них будут свои, они поймут, как жестоко с нами поступали.

С этими мыслями собираюсь на работу. Дома находиться не могу, надо куда-то ехать, бежать. Что-то делать.

По одному из телевизионных каналов объявляют, что наша Филевская ветка метро закрыта, Кутузовский проспект перекрыт. Решила ехать на работу через Аминьевское шоссе и Ленинский проспект.

Борис поехал на Бережковскую набережную тоже через Аминьевку.

— Созвонимся. Может, Бережковская тоже перекрыта. Тогда я вернусь. Не думай и не переживай, может быть, Андрей не смог добраться до Белого Дома, метро не работает, не пешком же он туда подался. Все. Целую.

С тем и разъезжаемся.

Я возвращаюсь с работы часа в три-четыре. Борис уже дома. Андрея нет. И известий от него нет.

Пьем чай, что-то едим. Каждый думает об Андрее, но вслух его имя не произносим. Тревога проникла в каждую клеточку моего тела, пропитала мозг, не дает дышать.

— Может, пойдешь, поспишь, а то всю ночь не спала.

— Не хочу, не могу.

С экрана телевизора не сходят кадры расстрела Белого дома. А москвичи и гости столицы с набережной Москва-реки и Калининского моста празднично наблюдают, как клубы черного дыма вырываются из зияющих ран сооружения, где когда-то был Верховный Совет. Я пытаюсь взглянуть в мелькающие на экране лица — вдруг где-то там Андрей. Но родных и знакомых лиц не вижу.

И только в половине шестого вечера раздается звонок.

— Мам, я в Строгино, у друга, — в трубке слышен шум улицы.

— Андрей, откуда звонишь? Из автомата?

— Я буду часа через два.

— Почему так поздно?

— Але, Але... Не слышно. Мам, ну все, пока.

«Ах, засранец, болтается, где ни попадя».

— Борис, ты как отец, врежь ему, в конце концов. Вот только пусть придет! Я ему устрою!

Но когда появляется Андрей, ругать его мне не хочется: пришел взъерошенный воробей, которого к тому же окатили из ушата холодной водой.

— Где ты был? Что с тобой? Что в сумке?

Большая спортивная сумка, с которой Андрей ходит в училище, раздулась, тяжелая. Раскрываю молнию, и оттуда вываливается махровый халат (в нем Андрей и сбежал из дома). Кроме учебников, достаю килограмма два-три обрезков колючей проволоки и штук сто стреляных гильз.

— И откуда это все? Не молчи. Ты был у Белого Дома?

- Да.
- А зачем врал, что в Строгино у друга?
- Не хотел, чтобы вы с папой волновались раньше времени.
- Раньше какого времени? Я тут и так с ума схожу, с утра! Давай рассказывай.
- Да я сидел под пандусом у Мэри. Нас там много было...
- ...дураков, — не удержалась я от комментариев.
- Подожди, еще успеешь его отругать, — вступает Борис, — Рассказывай дальше. Когда сбежал из дома, как добрался до Мэри? Метро ведь закрыли.
- Нет, на метро можно было добраться до Багратионовской, а дальше шел пешком.
- И что, свободно прошел к Белому Дому, и никто не остановил?
- Да, свободно.
- Небось, одни подростки, такие, как ты, сидели у Мэри?
- Да. Там и панков много было.
- Светились своими «иракезами»?
- Да они сидели прямо на открытых площадках, даже не пытались укрыться. Некоторых снайперы расстреляли.
- Ужас! А ты?
- Я же говорю, сидел под пандусом.
- Страшно было?
- Да, когда начали стрелять.
- Ох, бестолковый. Так и просидел под пандусом? Не верю!
- Когда с первых этажей Белого Дома выбили защитников, я вместе с командой ОМОНа вошел в здание...
- Ох!
- ...света не было, ничего не видно. Попали на кухню, что ли. Тут один омоновец говорит: «Господа мародеры! Осталась только минералка!» Я взял бутылку, пить очень хотелось.
- А писать? — не унимаюсь я.
- А тут начали стрелять откуда-то сверху, и нас омоновцы оттеснили к выходу. Мы побежали опять под пандус, — мой вопрос Андрей проигнорировал.
- Зачем гильзы-то собирал, и проволоку?
- Да так, интересно. Некоторые даже компьютеры выносили, телефоны.
- Вот уж действительно мародеры. Ой, какие же вы бестолковые! Ведь убить могли в любой момент!
- А вот когда шел по Садовому, к метро, встал лицом к зданию и пописал.
- Все-таки мой вопрос не повис.
- А прохожие?
- Их не было. Потом пешком шел до Багратионовской, Киевская не работала.
- Ладно, иди умывайся и ешь.

Поужинав, Андрей ушел в большую комнату, а мы с Борисом, на кухне, принялись обсуждать сегодняшние события. Вдруг мы услышали разговор Андрея с друзьями: «Не, мне ничего не досталось, а Макс? Что, омоновский шит? Вот здорово! Повезло. А я только гильзы собрал, да проволоку».

Минут через десять плечи у Андрея стали распрямляться, из взъерошенного воробушка он стал превращаться, если не в орла, то хотя бы в буревестника — пусть сильнее грянет буря! Рассказ о его походе к Белому Дому стал обрастать легендами.

Оказывается, большинство его друзей там были, все вернулись с «боевыми трофеями» (слава Богу, никто из них не погиб).

Я до сих пор, вспоминая те дни, съеживаюсь и задаю себе вопрос: зачем все это было нужно? Кому? Ведь там погибли, в основном, молодые, шестнадцатилетние,

семнадцатилетние или чуть старше. Им просто было любопытно, они не были на чьей-то стороне, не понимали сути происходящего.

Да, подростки жаждут подвигов, им все интересно, они всегда в поиске новых ощущений. Этот пубертатный период моего младшего сына совпал с полной неразберихой — старое отменили, уничтожили, а нового не успели создать. Начало 90-х — это разрушение нашего представления о морали, нравственности, целей в жизни. А что подростки? Цветы в поле, которое перепахивают большие дяденьки: выживешь — хорошо, а нет — извини! «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда». И где оно, «разумное, доброе, вечное»?

Андрей, не без жизненных коллизий, прошел этот подростковый период, стал врачом. Много читает, интересно рассуждает о нашей действительности. Всегда имеет свое мнение. Думаю, и из событий 93-го он извлек уроки. Ничто не проходит даром. Но не всем его сверстникам удалось благополучно войти во взрослую жизнь. И в этом виноваты мы с вами: молчали, не вмешивались, заботились только о личном благополучии. И получили «потерянное поколение».

* * *

Отремонтировали Белый Дом. Расположили в нем аппарат правительства, а депутатов поселили поближе к Кремлю, чтобы были под бóльшим присмотром, чтобы не баловали. И теперь об октябре 93-го напоминает только чугунная ограда, выстроенная вокруг Белого Дома — не подходи!